

**Рівненський державний гуманітарний
університет
Рівненський Інститут слов'янознавства
Київського славістичного університету**

**До 10-річчя
РІС КСУ**

**Слов'янський вісник
ВИПУСК 5**

**Збірник наукових праць
Серія „Філологічні науки”**

Рівне - 2004

БК81

Слов'янський вісник: Збірник наукових праць. Серія „Філологічні науки“ Рівненського державного гуманітарного університету та Рівненського інституту слов'янознавства Київського славистичного університету - Випуск 5. - Рівне: РІСКСУ, 2004.-297 с.

До наукового вісника увійшли статті, у яких розглядаються актуальні напрями українського, слов'янського, романо-германського, загального та зіставно-типологічного мовознавства, лінгводидактики.

Збірник розрахований на наукових працівників, аспірантів, викладачів, студентів філологічних факультетів, учителів-словесників.

Затверджено вченою радою Рівненського державного гуманітарного університету (протокол №1 від 6 вересня 2004 р.) та вченою радою Рівненського інституту слов'янознавства Київського славистичного університету (протокол №5 від 28 грудня 2004 р.)

Збірник затверджено **ВАК** (додаток до постанови президії ВАК України від 30 червня 2004 р. № 3-05/7)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Головний редактор - Тищенко Олег Володимирович, доктор філологічних наук, в.о. професора, проректор з наукової роботи Рівненського інституту слов'янознавства Київського славистичного університету

Бацевич Флорій Сергійович, доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри загального мовознавства Львівського державного університету ім. І.Франка

Бублейник Людмила Василівна, доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Волинського державного університету ім. Лесі Українки

Гамзюк Микола Васильович, доктор філологічних наук, в.о. професора, завідувач кафедри німецької мови Київського національного лінгвістичного університету

Кочерган Михайло Петрович, доктор філологічних наук, професор Київського національного лінгвістичного університету

Кузьменко Володимир Іванович, доктор філологічних наук, професор, проректор з наукової роботи Київського славистичного університету

Левицький Андрій Едуардович, доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри граматики та історії англійської мови Київського національного лінгвістичного університету

Огуй Олександр Дмитрович, доктор філологічних наук, професор кафедри німецької мови Чернівецького державного університету

Оляндер Луїза Костянтинівна, доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Волинського держуніверситету ім. Л.Українки

Поліщук Ярослав Олексійович, доктор філологічних наук, професор кафедри української літератури Рівненського державного гуманітарного університету

Стоянов Іван Андрійович, доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри слов'янської філології Київського славистичного університету

Чирков Олександр Семенович, доктор філологічних наук, професор кафедри зарубіжної літератури Житомирського державного педуніверситету ім. І.Франка

Шульжук Каленик Федорович, доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри української мови Рівненського державного гуманітарного університету

Редактори: канд. філол. наук, доц. Архангельська А.М.; канд. філол. наук, доц. Бісовецька Л.А.; канд. філол. наук, доц. Васильєв Є.М.; канд. філол. наук, доц. Деменчук О.В., канд. філол. наук, доц. Кондзеля О.С.; канд. філол. наук, доц. Приходько О.Ю.; канд. філол. наук, доц.Юрчук Т.Г.; Пальчевська О.С., викл. Погрібний Б.А.

Адреса редакції:

м. Рівне, 33001, вул. П. Могили, 28,
тел. 63-14-05

www.ressksu.rv.ua, e-mail: riss@rissksu.rv.ua

Реєстраційне свідоцтво наукового збірника
№4757, серія КВ від 22.12.2000

Алексеева О.А. КІЛЬКІСНИЙ ТА ЯКІСНИЙ СКЛАД ТЕРМІНІВ-ЛЕКСЕМ У ЗАГАЛЬНОВІЙСЬ- КОВІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ ФРАНЦУЗЬКОЇ МОВИ	3
Архангельська А.М. ЧЕСЬКІ ІМЕННИ КОМПЗИТИ-МАСКУЛІНІЗМИ: ОНОМАСІОЛОГІЧНА ПАРАДИГМА „ЖАДІБНИЙ, СКУПИЙ“	10
Астрахан Н.И. „ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ“ М. ПАВИЧА: ПОПЫТКА ПРОЧТЕНИЯ	20
Бабелюк О.А. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ОСНОВИ ФРАНЦУЗЬКОГО ПОСТСТРУКТУРАЛІЗМУ	26
Баранівська О. С. ПОЗИЦІЯ ОЗНАЧУВАНОВОГО СЛОВА У СКЛАДНОПІДРЯДНОМУ РЕЧЕННІ СУЧАСНОЇ ПОЛЬСЬКОЇ МОВИ	35
Бехта І. ТЕКСТ У ДИСКУРСНО-ОРІЄНТОВАНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ	43
Бісовецька Л.А. КОНЦЕПТ „НІЧ“ В ОРИГІНАЛЬНИХ ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ М.СТАРИЦЬКОГО	51
Бодрова Т. В. ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА О ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	57
Бублик І.Ф. МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЭТОЛОГЕМ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ	63
Воробйова І.А. КРАЇНОЗНАВЧИЙ ПІДХІД ДО НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНИХ МОВ СТУДЕНТІВ НЕМОВНИХ СПЕЦІАЛЬНОСТЕЙ У ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДАХ	67
Гронь Л.В. ФОРМУВАННЯ ВМІНЬ МОНОЛОГІЧНОГО ВИСЛОВЛЮВАННЯ НА ОСНОВІ КОРОТКОГО ОПОВІДАННЯ	75
Деменчук О.В. ОСОБЛИВОСТІ КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЇ МІФОЛОГІЧНОЇ КАРТИНИ СВІТУ В НОМІНАТИВНІЙ СТРУКТУРІ АНГЛІЙСЬКОЇ КОЛОРАТИВНОЇ КОМПЗИТИ	81
Дудок Р.І. ФУНКЦІОНУВАННЯ МОВНОГО ЗНАКА	87
Жуйкова М. ЕВОЛЮЦІЯ ІДІОМ ДІСТАТИСЯ / ДАТИ НА ГОРІХИ (БУБЛИКИ, БАРАНКИ) В КОГНІТИВНОМУ АСПЕКТІ	92
Зубач О.А. СЕМАНТИЧНІ ШЛЯХИ ФОРМУВАННЯ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЇ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ З КОЛОРИСТИЧНИМ КОМПОНЕНТОМ ПРИ ПЕРВИННОМУ ФРАЗОТВОРЧОМУ ПРОЦЕСІ (НА МАТЕРІАЛІ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ)	100
Каракевич Р.О. ВІДБИТТЯ ЕТНОКОНЦЕПТІВ „ДОЛЯ“ ТА „СМЕРТЬ“ У ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ НІМЕЦЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ	107
Константинова О.В. ОСОБЛИВОСТІ НОМІНАЦІЇ В АНГЛОМОВНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ ОПОДАТКУВАННЯ	114

Крутько Т.В ВЗАЄМОДІЯ ВЕРБАЛЬНИХ ТА НЕВЕРБАЛЬНИХ ЕЛЕМЕНТІВ В АНГЛОМОВНІЙ БАНЕРНІЙ РЕКЛАМІ	128
Куцик О. А ПРИСЛІВ'Я ТА ПРИКАЗКИ ЯК ДЕРИВАЦІЙНА БАЗА РОСІЙСЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕМ	133
Левченко О.П. СИМБОЛАРІЙ УКРАЇНСЬКОЇ ФРАЗЕОЛОГІЇ	140
Мельник О. MOTIVATION IS CRUCIAL FOR SUCCESSFUL LEARNING	148
Мізін К.І. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНІ ШЛЯХИ ПЕРВИННОГО ФРАЗОТВОРУ КОМПАРАТИВНИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ	159
Опанасюк Т. А. ЧЕСЬКІ ПРОГНОСТИКИ З КОМПОНЕНТОМ-НАЗВОЮ ТВАРИНИ (ІСТОРИКО-ЕТИМОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ)	164
Панченко Д.І. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕФИКСОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	170
Пальчевська О.С. ФРЕЙМОВА ОРГАНІЗАЦІЯ КОНЦЕПТА „ШЛЯХ" У СИСТЕМІ ЛІНГВОКУЛЬТУРЕМ АНГЛІЙСЬКОЇ ТА УКРАЇНСЬКОЇ МОВ	176
Петров А.В. ТИПЫСЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ ПОЛИСЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)	183
Плахоніна О. В. УСКЛАДНЕННЯ ОСНОВ СЛІВ ІНШОМОВНОГО ПОХОДЖЕННЯ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ	191
Потапчук С.С. ОСОБЛИВОСТІ СЕМАНТИЧНОЇ СТРУКТУРИ ЛЕКСЕМИ НА ПОЗНАЧЕННЯ КОНЦЕПТУ „ЧИСТИЙ" В АНГЛІЙСЬКІЙ І УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ	196
Приймак А.М. АНАЛІЗ ЩОДЕННИКОВИХ ТЕКСТІВ Л. М. ТОЛСТОГО ЯК ОСМИСЛЕННЯ ПРОБЛЕМ МОВНОЇ ОСОБИСТОСТІ ПИСЬМЕННИКА	201
Пулатова Л.И. НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ ВЕСІЛЬНОЇ СЕМАНТИКИ УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ЗІСТАВНО-ТИПОЛОГІЧНОМУ ВИСВІТЛЕННІ	205
Рогозіна В. І. ФУНКЦІОНУВАННЯ ОНІМІВ У ПОЕЗІЇ С. ГОРДИНСЬКОГО	211
Романюк-Філь О. ЗАПОЗИЧЕНА ЛЕКСИКА: ІНФОРМАТИВНА СУТНІСТЬ ТА ПРАГМАТИЧНЕ НАВАНТАЖЕННЯ	215
Савранчук К.Ф. ПРО ЯКОСТІ ПРЕДИКАТА ЯК КОНСТАТУЮЧОГО ЕЛЕМЕНТА ПРОПОЗИЦІЇ (НА МАТЕРІАЛІ УКРАЇНСЬКОЇ ТА ПОЛЬСЬКОЇ МОВ)	219
Садовнича В. В. СЛОБОЖАНСЬКІ КОМПОЗИТНІ АНТРОПООДИНИЦІ XVII - XVIII СТ.	224
Совтис Н. М. УКРАЇНСЬКІ ЛЕКСИЧНІ ЕЛЕМЕНТИ В ПОЛЬСЬКІЙ МІФОЛОГІЧНІЙ ЛЕКСИЦІ	231

Стишов О.А. РОЗВИТОК ЛЕКСИЧНОЇ СИНОНІМІЇ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ	237
Тищенко О.В. СПЕЦИФІКА ОБРЯДОВОЇ ТА НОМІНАТИВНОЇ КАТЕГОРИЗАЦІЇ ЕТНОКОНЦЕПТІВ ПРЯМИЙ/КРИВИЙ, ПУСТИЙ/ПОВНИЙ	244
Третьякова К.В. ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ УТВОРЕННЯ ОМОНІМІВ (НА МАТЕРІАЛІ ЛАТИНСЬКИХ ІМЕННИКІВ)	258
Худолій А.О. ЛІНГВОКОГНІТИВНІ ОСОБЛИВОСТІ КАРТИНИ СВІТУ СУЧАСНОГО АМЕРИКАНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА	262
Шамшура Г.О. СЕМАНТИКО-ЕТИМОЛОГІЧНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЛАСНИХ НАЗВ В АНГЛІЙСЬКІЙ БІБЛІЙНІЙ ТЕРМШОСИСТЕМІ	270
Юрчук Т.Г. ДО ІСТОРІЇ СЛОВ'ЯНСЬКИХ ЕТНОНІМІВ. ВЕНЕДИ	277
Гайдаєнко А.В. КОГНІТИВНІЕ СТИЛИ, ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМИ ЯЗЫКОВОЙ ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	286
ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ	291
ЗМІСТ	294

„ХАЗАРСКИЙ СЛОВАРЬ” М. ПАВИЧА: ПОПЫТКА ПРОЧТЕНИЯ

УДК: 8 Г42

©Астрахан Н.И.

The attempt of the integral analysis of the novel „Chazarskij Vocabulary” by M. Pavich; the decoding of its metaphorical Language; the description of the principles of its construction are carried out in the article.

Одна из словарных статей романа-лексикона М. Павича называется „Хазарский горшок”. Достать перстень, положенный вечером в хазарский горшок, утром оказывается невозможно. И ровный пол под горшком, и гладкое и прочное снаружи дно горшка не ограничивают его глубины, измеренной героями с помощью брошенного в горшок камешка: только досчитав до семидесяти, они услышали всплеск.

Видимо, эпитет „хазарский” изменяет значение слова, к которому прилагается. Горшок с убегающим дном - это уже не горшок. Головокружительная глубина открываемых Павичем пропастей и составляет главное достоинство его романа. Предмет художественного исследования писателя - глубинный человек и глубинное человечество. Хазары, исчезнувший народ, как и разбитый хазарский горшок, продолжает „служить”, вбирая в себя все, именно потому, что об этом народе мало что известно. На хазар Павич проецирует свои притчево-метафорические откровения о том глубинном, первоосновном в человеке, что объединяет всех людей, независимо от их национальной, религиозной, культурной принадлежности.

Христианский, исламский и иудейский миры в романе равновелики и равноправны. Красная, Зеленая и Желтая книги соседствуют в „Хазарском словаре”, дополняя друг друга, представляя культурное многоцветие запада и востока, встретившихся в Царьграде.

Сюжетная сердцевина романа - хазарская полемика. Ангел, явившийся во сне хазарскому кагану, произносит: *„Создателю дороги твои намерения, но не дела твои“*. Эти слова, для истолкования которых были приглашены в Хазарию православный, исламский и иудейский миссионеры, повторяются в романе многократно, приобретая всякий раз дополнительный смысловой оттенок. Разрыв между намерениями и делами, по Павичу, проявляет сущность человеческой природы. Люди, как говорит иудейский участник полемики Исаак Сангари кагану, *представляют собой и намерение Бога, и дело человека*: *„Намерение и в человеке осталось чистым, божественным, глаголом или логосом, оно предваряет собой акт в качестве его концепции, но дело всегда земное, оно носит имя Сиф“* [7:266].

С делами связано многообразие человеческой жизни, множественность путей, имен, судеб, религий. Намерения - это то, что объединяет людей. Так, по замыслу автора, к созданию „Хазарского словаря“ причастно много героев, принадлежащих к разным культурным мирам, разным эпохам, но намерения этих очень разных людей одинаковы. Они стремятся улучшить, обновить человека, приблизить его к извечно замутненной истине, свести воедино тайные нити бытия, *„родиться заново, но только так, чтобы получилось лучше“* [7:31].

Верования хазар, как и все в романе, - метафора. Хазарская секта ловцов снов занимается исследованием *„прекраснейшей из существующих материй - материей сна“* [7:77]. Толкование сновидений для XX века совсем не новость. В „Хазарском словаре“ сон - это то, что принесло с собой человечество из глубины веков. Миф о снах и ловцах снов, создаваемый Павичем, интересен своей неожиданностью. *„50 сне мы чувствуем себя как рыба в воде, - говорит в романе один из ловцов снов. - Время от времени мы выныриваем из сна, окидываем взглядом собравшихся на берегу и опять погружаемся, торопливо и жадно, потому что нам хорошо только на глубине“* [7:76].

Глубину человеческих снов Павич промеряет неоднократно, снова и снова возвращаясь к разговору о снах, используя возможности того или иного контекста. Сон ведет человека к другим людям (и не только живым, но и умершим, получающим в снах живых *„немного свободы и новых возможностей“*); во сне сходятся прошлое, настоящее и будущее; во сне *„сласть и тело неразлучны, они суть одно целое“*; в конечном итоге - *„на дне каждого сна лежит Бог“* [7:77].

Павич связывает человеческие сны с мифическим образом появляющегося в Желтой книге Адама Кадмона (в Зеленой книге этому образу соответствует Адам Рухани). В энциклопедии „Мифы народов мира“ Адам Кадмон (евр. adam qadmon, „Адам первоначальный“, „человек первоначальный“) - это характерное для мистической традиции иудаизма „абсолютное, духовное явление человеческой сущности до начала времен как первообраз для духовного и материального мира, а также для человека как эмпирической реальности“ [5:1:43]. Некоторые толкователи Библии различали Адама Кадмона, созданного „по образу и подобию божьему“, и Адама, созданного из земли. Филон Александрийский (I в. до н.э. - I в. н.э.) соединил представления об Адаме Первоначальном с „платоновской концепцией идеи как вневременного образца вещи: „небесный человек“ (который, между прочим, изъят из разделения на мужской и женский пол) есть идеальная парадигма земного человека“ [5:1:44].

В „Хазарском словаре“ *„человеческие сны - это та часть природы человека, которая берет начало в Адаме-предтече, небесном ангеле, потому что он думал так же, как мы видим сны“* [7:161]. Поэтому ловцы снов *„блуждают по чужим снам и извлекают из них по кусочкам существо Адама-предтечи, складывая из них*

так называемые хазарские словари для того, чтобы все эти книги, составленные вместе, воплотили на земле огромное тело Адама Рухани" [7:161].

Интересно, что ловцы снов выступают как авторы и телом идеального прообраза земного человека становятся книги. Если хазарский горшок - это пропасть, а хазары - глубинное человечество, пророчески мудрое, когда речь идет об отдельных его представителях, и до нелепости беспомощное в коллективных попытках создать разумные формы общественной жизни, то кто же такие ловцы снов?

Сон - прежде всего намек на мифическое правремя, эпоху первотворения. Отсюда связь человеческих снов с человеком-предтечей, первым Адамом. Но ловцы снов видят свою задачу не в консервации „времени сновидений", но в пробуждении, в том, чтобы осознать свою явь как чужой сон и пробудиться к настоящей яви. То есть главная задача ловцов снов - пробуждение, прозрение, постижение истины.

Ю.М. Лотман связывает сновидения с „возникновением временного разрыва между получением информации и реакцией на нее", с превращением реакции „из непосредственного действия в знак" [4:123]. „Вступая в мир снов, - размышляет исследователь, - архаический, еще не имеющий письменности человек оказывался перед пространством, подобным реальному и одновременно реальностью не являвшимся. Ему естественно было предположить, что этот мир имел значение, но значение его было неизвестно. Это были знаки неизвестно чего, то есть знаки в чистом виде. Значение их было неопределенным, и его предстояло установить. Следовательно, в начале лежал семиотический эксперимент" [4:124].

Называя сон „семиотическим зеркалом", в котором каждый видит „отражение своего языка" [4:124], „отцом семиотических процессов", „резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами" [4:125], Лотман сравнивает сон с искусством, показывая, что последнее неминуемо должно было вытеснить культуру сна на периферию семиотического моделирования.

Ситуация многократного и всякий раз иного толкования сновидения в „Хазарском словаре" выступает как модель, демонстрирующая заложенные в художественном тексте возможности смысл опорожнения. Три толкователя, вписывая один и тот же сон в разные семиотические пространства, вскрывают в нем разные смыслы. Сон в данном случае воспринимается как некий текст, который должен быть прочитан, но само прочтение нельзя помыслить как единичное и окончательное.

Ловцы снов, составляющие хазарские словари, которые должны воплотить на земле тело небесного Адама, - это метафорическое обозначение людей пишущих. Не случайно Самуэль Коэн выносит из снов буквы и размышляет о человеческом и божественном языках, о глаголах, составляющих первый, и именах, составляющих второй. Если сон - это текст, нуждающийся в истолковании, способный порождать новые смыслы, т. е. новые тексты, то ловцы снов - это люди, создающие и интерпретирующие тексты („*читающие сны*").

В таком случае, хазарский словарь на метафорическом языке М. Павича - это любая из написанных книг и все написанные книги в их совокупности. Если необходимость истолкования связана с природой художественного текста как семиотической (знаковой) системы, то сам факт создания текстов, по Павичу, обусловлен грандиозной задачей, стоящей перед литературой, - задачей постоянного обновления и улучшения природы человека, преодоления его отставания от самого себя. Воплощение в составляемых ловцами снов хазарских словарях тела небесного

Адама заставляет вспомнить размышления Гегеля об идеале как воплощении идеи в чувственной форме, о претворении поэтического мира в материальный - видимый глазу и слышимый уху - мир искусства [3:1:256].

М. Бутов заметил, что сюжетный узел „Хазарского словаря” - это пара героев, видящих друг друга во сне, так что сон одного является явью другого [2]. Аврам Бранкович и Самуэль Коэн, образующие такую пару, желанная добыча для Масуди Юсуфа, ловца снов. Коэн и Бранкович, видящие друг друга во сне, живут как бы двумя жизнями одновременно. То есть сон (текст!) о другом человеке - это расширение границ существования, обретение фантастической жизненной полноты. Но обратная сторона этого позитива - зависимость от двойника.

Казалось бы, Павич строит отношения между героями по совершенно нетривиальной схеме. „Б Талмуде написано; „Пусть идет, чтобы его сон был истолкован перед Троицей”. Кто моя троица? - задается вопросом Самуэль Коэн. - Не рядом ли со мною и второй, христианский охотник за хазарами, и третий, исламский? Не живут ли в моих душах три веры вместо одной? Или же всегда, как и в книге о сотворении света, необходима троица, а кто-то один недостаточен, и поэтому я не случайно стремлюсь найти двух других, как и они, вероятно, стремятся найти третьег” [7:246]. Эта схема оказывается очень жесткой именно в силу своей абсолютной экспериментальности, произвольности. Удвоенная жизнь оборачивается удвоенной смертью. И Масуди Юсуф, увидевший смерть Бранковича в тоже обернувшейся смертью сне Коэна, так и не смог оправиться после приобщения к недоступной живым тайне.

История Масуди Юсуфа, ловца снов, упустившего главную добычу своей жизни - принцессу Атех, тоже метафорична: человек вместо готовой открыться тайны бессмертия выбрал разрушительное для человеческого сознания знание о смерти.

Сближая принадлежащих к разным мирам персонажей, которые не связаны между собой ничем, кроме интереса к хазарскому вопросу, Павич в то же время вводит в роман историю разделенных обстоятельствами, недостижимых друг для друга влюбленных. Это выдающийся ловец снов Мокадаса аль-Сафер и покровительница секты ловцов снов принцесса Атех.

Атех посвящены статьи во всех трех книгах словаря. Эта хазарская принцесса - воплощение красоты и мудрости, ей приписывается сборник стихов „О страстях слов”, описывающий хазарскую полемику. Таким образом, Атех - прасоздатель „Хазарского словаря” (создатель пратекста). Наказание, которое несет Атех за участие в хазарской полемике, связано с утратой пола и забвением стихов и языка. Но Атех обретает бессмертие, сохраняя способность любить только во сне. Заметим, что пол и память - характернейшие черты человеческой индивидуальности. Бессмертие Атех - это бессмертие в культуре, в совокупности текстов, которые продолжают жить, рождая новые тексты. Так Атех входит в сон доктора Исайла Сука, который на тысячу лет моложе ее, чтобы отдать ему маленький ключ с золотой монеткой вместо головки - ключ от своей спальни, который когда-то она присылала своему возлюбленному Мокадасе аль-Саферу.

Мокадаса аль-Сафер - автор мужской версии „Хазарского словаря”. Если принцесса Атех, обретая бессмертие, приобщается к будущему, то Мокадаса аль-Сафер пишет на хазарском языке 5 века, адресуя свою книгу предкам. Если принцесса Атех - это красота и мудрость, то Мокадаса аль-Сафер - это сила и талант. Но и высокомерие таланта и тщеславие силы присущи Мокадасе аль-Саферу, за что он и несет наказание, утрачивая свою способность „читать сны”. Сам Мокадаса объясняет эту остановку тем, „что достиг совершенства”, так как „тому,

кто приходит к концу пути, путь больше не нужен, поэтому он ему и не дается " [7:77]. Но принцесса Атех дает свое объяснение случившемуся с одним из выдающихся ловцов снов: *„... даже если он не сделал ни одной ошибки, поднимаясь наверх, к Богу, за что ему и было позволено видеть Его на дне читаемого сна, он, конечно же, сделал ошибку на обратном пути, спускаясь в этот мир с той высоты, на которую вознесся. И за эту ошибку он заплатил. Будьте внимательны при возвращении! Плохой спуск может свести на нет счастливое восхождение "* [7:78].

Главным препятствием между двумя любящими оказываются не внешние преграды - ревность хазарского кагана, приказавшего заточить Мокадасу аль-Сафера в клетку, подвешенную к дереву над водой. Между ними Адам Кадмон. В романе приводится текст письма принцессы Атех, но неясно, кто тот, к кому оно обращено, и кто другой, о котором говорит принцесса: *„Лов я жду тебя в своей единственной и вечной ночи, надо мной, как клочки разорванного письма шелестят дни. Я складываю их и разбираю буква за буквой твои слова любви. Но прочесть я могу немного, потому что часто встречаю незнакомый почерк, и рядом с твоим письмом оказывается страница чужого, в мою ночь вмешивается чужой день и чужие буквы "* [7:263].

Если письмо обращено к Адаму Кадмону (отправлено оно не было), то становится понятен упрек Мокадасы, выцарапанный на панцире пойманной под клеткой живой черепахи: *„Ты похожа на ту девушку, которая подолгу спала по утрам, а когда вышла замуж: в соседнее село и впервые должна была встать рано, увидела иней на полях и сказала свекрови: "В нашем селе такого не было!" Так же как и она, ты думаешь, что на свете нет любви, потому что ты никогда не просыпалась так рано, чтобы с ней встретиться, хотя она каждое утро приходила вовремя "* [7:264].

Любящие друг друга мужчина и женщина, по Павичу, являются создателями мужской и женской версии „Хазарского словаря". И хотя автор видоизменяет и усложняет миф о „выключенном" из пола „небесном Адаме", этот миф узнаваем. Метафора Павича „прочитывается": любовь - это способ познания истины, и объединенные духовные усилия любящих друг друга мужчины и женщины, ставших как бы одним существом, приближают человека реального к человеку возможному. Правда, двое любящих в „Хазарском словаре" ни разу не появляются „в одном кадре" (только во сне Мокадасы и в легенде, о которой мельком упоминается в романе). Но они обмениваются письмами, нацарапанными на панцирях черепах, т.е. адресуют друг другу поэтические тексты, образующие единый контекст - нерасторжимое смысловое единство.

Павич создает роман-перевертыш, в котором герои оказываются авторами, цельный художественный текст дробится на множество словарных статей, временные и причинно-следственные связи запутаны, так как информация подается в алфавитном порядке. Подчеркнутой трансформации романа соответствует смещение изображаемого в романе мира. Павич не заботится о правдоподобии - наоборот: молоко оказывается черным; игра в шахматы разворачивается в реальном пространстве; священник в монастыре оплодотворяет 10 тысяч монахинь-девственниц и т.д. Все эти нелепости иногда производят впечатление чрезмерности, но в конце концов читатель привыкает к ним и начинает ждать от автора все новых и новых метафорических прозрений.

Игровое очуждение действительности только более отчетливо проявляет фундаментальные законы бытия. Так же, как изменение структуры романа заставляет роман сопротивляться. Автор убеждает нас, что *„каждый читатель сам*

сложит свою книгу в одно целое, как в игре в домино или в карты, и получит от этого словаря, как от зеркала, столько, сколько в него вложит" [7:22]. Но и зеркало в „Хазарском словаре“ может быть быстрым и медленным.

Саму же книгу можно перечитывать как словарь, уточняя детали, проверяя правильность понимания связей между героями и событиями. При таком повторном чтении читателю, действительно, проще удержаться в пределах одной словарной статьи. Если бы деление на статьи отсутствовало, начав перечитывать какой-то фрагмент, читатель не мог бы остановиться (так и происходит с теми, кто возвращается к любимым книгам). Но первое прочтение „Хазарского словаря“ неизбежно оказывается линейным. Гипертекстуальность [6] романа Павича - иллюзия, работающая на авторский замысел: построение метафорической модели всей деятельности человечества, направленной на создание и истолкование художественных текстов. Таким образом, структура романа-лексикона оказывается художественной необходимостью.

Фабульные ряды в „Хазарском словаре“ причудливо запутаны, потому что само время утрачивает такие свои реальные свойства как непрерывность и необратимость. Слово „время“ одно из самых часто встречающихся в романе, контекст, в котором оно появляется, всегда неожиданен. Например: *„В начале, как говорит хазарское предание, все, что было сотворено - прошлое и будущее, все события и вещи, - плавало, растопленное в пламенной реке времени, все существа, бывшие и будущие, были перемешаны, как мыло с водой“* [7:206]. Словарное построение создает эффект одновременности всех происходящих событий, привязанности их к некому „сейчас“, в котором отражаются и прошлое и будущее. Это „сейчас“ очень напоминает лирическое настоящее время, время переживаний, которым Х.Л.Борхес назвал вечность [1:90].

Роман М. Павича „Хазарский словарь“ организован как стихотворение: ритм, рифма, метафора определяют его конструкцию. Именно динамика разрастания словесной ткани романа властно управляет вниманием читателя: так читают стихотворение, следя за формированием образа, за развитием лирической темы. Красная, Зеленая и Желтая книги зарифмованы между собой статьями, имеющими одинаковые названия. Метафоричность романа связывают с законами эстетики барокко (словарь Даубманнуса был издан в 1691 году, к 17 веку отнесены события, связанные с „троицей“ Бранкович - Козн - Масуди). Но центральная метафора „Хазарского словаря“, воплощенная в его названии, безусловно, порождение эпохи постмодернизма - эпохи, когда основным предметом исследования литературы становится сама литература.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Борхес Х.Л. Письмена Бога.- М.: Республика, 1994.
2. Бутов М. Отчуждение славой // Новый мир. - 2000. - № 2. - С. 188-210.
3. Гегель Г.В.Г. Эстетика. В 4-х т. - М.: Искусство, 1971.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. - С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2001.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. - М.: Советская энциклопедия, 1980.
6. Михайлович Я. Проза Милорада Павича и гипертекст // Павич М. Стеклопанна улитка / Пер. с серб. Н. Вагаповой. - Спб.: Амфора, 2000 - С. 5-8.
7. Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон. Мужская версия / Пер. с серб. Л. Савельевой. - Спб.: Азбука, Амфора, 1999.